

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Идеальные объекты в философии и науке: генезис и понятие // Философия и культура. 2024. № 3.
DOI: 10.7256/2454-0757.2024.3.69650 EDN: OSDVWW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69650

Идеальные объекты в философии и науке: генезис и понятие

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник, Институт философии, Российская академия наук

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Методология философского знания"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.3.69650

EDN:

OSDVWW

Дата направления статьи в редакцию:

23-01-2024

Дата публикации:

29-03-2024

Аннотация: В статье рассматривается понятие идеальный объект. Цитируется и проблематизируется высказывание О.И. Генисаретского, утверждающего, что обязательным признаком, который сохранился за объектом и терминами «объект» и «идеальный объект» является, по-видимому, его представимость или наглядность. Автор показывает, что идеальные объекты стали создаваться в период становления античной философии и мышления. Столкнувшись с противоречиями, античные мыслители по-разному разруливали эту ситуацию. Если Протогор признал за рассуждающими право получать противоречия и, соответственно, считать мир противоречивым, то Парменид считал мир непротиворечивым, утверждая, что критерием правильности (истинности) знаний выступает не рассуждающий человек, а именно этот мир, сущее, до которого еще нужно добраться с помощью правильной мысли. Именно в рамках реализации программы Парменида стали создаваться идеальные объекты, которые, как показывает

автор, выполняли три основные функции: позволяли мыслить непротиворечиво, познавать мир и его явления, иначе осмыслять и истолковывать эмпирические явления (факты). С опорой на кейс платоновского «Пира» анализируются семиотические схемы, на основе которых Платон создает идеальные объекты. Утверждается, что построить идеальные объекты, минуя схемы, невозможно, поскольку их изобретателями (творцами) выступают люди. Разрешая проблемы, они синтезируют смыслы, принадлежащие разным областям сознания. Анализ «Бесед» Галилея позволил автору высказать предположение, что построение идеальных объектов обусловлено историческим типом философского или научного мышления. Автор считает необходимым, прежде чем претендовать на создание современного учения об идеальных объектах, проанализировать основные типичные случаи построения этих объектов в философии и науке, причем такой анализ может внести существенные коррективы в понимание природы и особенностей этого понятия. Тем не менее, предполагает он, уже сейчас видно, что построение идеальных объектов является важным звеном философского, научного и ряда других видов мышления.

Ключевые слова:

объект, идеальный объект, мышление, рассуждение, определения, философия, наука, сознание, схема, индивид

Введение

Понятие «идеальный объект», конечно, употребляется реже, чем понятие "объект", но все же оно достаточно распространенное и не менее многозначное. В отечественной философии науки это понятие используют и разрабатывают многие исследователи, например, В.А. Лекторский, А.П. Огурцов, П.П. Гайденок, А.Л. Никифоров и др.^[7; 13; 14; 15]. Полярные характеристики идеального объекта задаются, с одной стороны, представлением об идеализации, с другой – оппозицией эмпирическим явлениям. Оба эти представления, хотя схватывают определенные аспекты этого понятия, тем не менее, не проясняют природу идеальных объектов, остается непонятным, зачем идеальные объекты создаются и как затем используются в философском или научном дискурсе (мышлении). Интересное разъяснение о природе идеальных объектов предложил на семинаре, к сожалению, не так давно ушедший от нас философ и методолог О.И. Генисаретский.

«Теперь, – говорил он, – я скажу о той ситуации, где возникает необходимость говорить об идеальном объекте, где он появляется. Нужно сразу обозначить парадокс, из которого никакого абсолютного выхода быть не может, а есть определенные способы разрешения, принятые в культуре мышления. Этот парадокс связан внутри познавательной установки с проблемой объективности знания (или его истинности). Его можно задать таким образом. В силу принципиальной относительности представления об объекте (коль скоро он связан с чем-то другим), утверждается, с одной стороны, что наши знания об объекте всегда предметно опосредованы, а, с другой стороны, что объект, по определению, должен быть независимым от предмета и от предметной деятельности...

Далее я буду говорить об идеальном объекте, имея в виду его объектность, статус объекта. Идеально-объектная ориентация возникла в регионе греческой философии и, по-видимому, первым идеальным объектом была фалесовская «вода», которую он

утвердил в качестве первоосновы всего сущего. Обязательным признаком, который с тех пор сохранился за объектом и термином «объект» является, по-видимому, его представимость или наглядность...Свойство наблюдаемости важно еще и в том отношении, что при наблюдении идеального объекта воспроизводится то же состояние мыслящего сознания, которое имеет место в процессе прямого визуального наблюдения реальных вещей. Однако поскольку идеальный объект – не вещь, и он не рассматривается, а только видится (в него нельзя всматриваться, высматривать детали!), то здесь сама наглядность есть внутренний знак для мыслящего сознания, которым оно идентифицирует некоторое свое состояние. ее» [\[11\]](#).

Мне эти положения очень близки, но все же опять хотелось бы понять, для чего вводятся идеальные объекты и как они устроены, например, почему наглядность, не противоречит ли наглядности идеализация, что такое вообще в данном случае идеализация; возникают и ряд других вопросов, на которые хотелось бы получить ответ.

Основная часть

Идеальные объекты стали создаваться в период становления античной философии и мышления

Известно, что Аристотель, критикуя учение своего учителя об идеях, обратил внимание на определения. «Сократ, пишет он в "Метафизике" "занимался вопросом о нравственных добродетелях и впервые пытался устанавливать в их области общие определения (из физиков только Демокрит слегка подошел к этому и некоторым образом дал определения для теплого и для холодного; а пифагорейцы – раньше его делали это для немногих отдельных вещей, понятия которых они приводили в связь с числами, указывая например, что есть удача, или справедливость, или брак). Между тем Сократ правомерно искал существо вещи, так как он стремился делать логические умозаключения, а началом для умозаключений является существо вещи... Но только Сократ общим сторонам вещи не приписывал обособленного существования, и определениям – также; между тем сторонники теории идей эти стороны обособили и подобного рода реальности называли идеями» [\[1, с. 29, 223\]](#).

Ретроспективно можно утверждать, что это самое первое обсуждение ситуации идеализации и связанной с ней построения идеальных объектов. Стагирит по ряду соображений отрицает трактовку идеальных объектов как идей (помимо сказанного, он показывает, что введение идей ведет к удвоению реальности, неясности существования вещей, к тому же идей оказывается больше, чем вещей), предлагая другую трактовку – идеальные объекты представляют собой **первые сущности, совпадающие с вещами**. Первая сущность, по Аристотелю, это то, что «не сказывается ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем» [\[2\]](#).

В курсе «Введение в философию Аристотеля» дается такое пояснение. «Аристотель использует специальное выражение и здесь, и в других текстах, по-гречески оно звучит так: «τὸδε τι» («тὸδε τι»). «τὸδε τι» – это два слова. Что такое первая сущность? Это – τὸδε τι. Буквально переводится так: вот это вот. Т.е. на вопрос «что такое первая сущность?» (непредикативная), по Аристотелю, максимально точным ответом будет указание пальцем: «Что такое первая сущность? – Вот это вот». Как только мы начинаем уточнять наше понимание того, что есть первая сущность, т.е. насыщать наше познание какими-то предикатами, какими-то акцидентальными характеристиками, мы сразу покидаем поле обсуждения первой сущности, т.е. выходим за пределы того знания, которое зафиксировано исключительно в выражении «вот это вот». Ничего более

содержательного о первой сущности мы сказать не можем» [\[3\]](#).

Думаю, все же можем. Зная контекст размышлений Аристотеля, можно предположить, что «это вот» для Стагирита означало указание на вещь. Чтобы сделать понятным наше предположение, имеет смысл под углом интереса к нашей проблематике охарактеризовать ситуацию становления греческой философии и мышления.

Можно указать две важные предпосылки, предшествовавшие этому становлению: во-первых, появление нового типа человека, («становящейся античной личности») переходящего к самостоятельному поведению и поступкам, выстраивавшего мир (и себя в нем), отличный от общепринятого (до античной культуры человек считал, что все его поведение определяется богами, в результате самостоятельное поведение общинами не допускалось), во вторых, изобретение рассуждений, т.е. нового способа получения знаний, одних на основе других.

Например, Сократ на суде получает знание о том, что смерть скорее есть благо, рассуждая. Сначала он выставляет два знания – что «сон похож на смерть» и как «хорошо, когда мы выспались» – затем на основе этих знаний получает, умозаклячая, еще одно знание, что «смерть скорее есть благо».

Но оказалось, что рассуждения в одних случаях дают, так сказать, нормальные знания, не противоречащие наблюдениям и здравому смыслу, а в других – «апории» (противоречия), что для сознания становящейся античной личности выглядело часто как настоящая катастрофа. Например, Аристотель в «Физике» обсуждает одну из апорий Зенона Элейского, показывающего, что не существует движения, поскольку нельзя пройти до конца никакого расстояния. Чтобы пройти некоторое расстояние, говорил Зенон, нужно пройти его половину. А чтобы пройти половину расстояния, нужно пройти его четверть. И так далее. Поскольку всякое расстояние (отрезок) делится до бесконечности, то, чтобы пройти любое расстояние, нужно пройти бесконечное количество хоть самых маленьких отрезков. Но чтобы пройти пусть самый маленький отрезок, нужно определенное время. Так как отрезков бесконечное количество, получается бесконечное время движения. Но в бесконечно время, умозаклячает Зенон, движение никогда не закончится и расстояние не будет пройдено.

Реакцией на парадоксы были два социальные движения. Идеолог первого, Протагор, утверждая, что «человек есть мера всех вещей, как существующих, так и не существующих», по сути, признал за рассуждающими право получать противоречия и, соответственно, считать мир противоречивым. Парменид, очевидно, принадлежащий к одной из первых античных личностей, фактически объявил сторонников Протагора сумасшедшими.

Люди о двух головах, в чем сердце беспомощно правит.

Праздно бредущим умом. Глухие они и слепые.

Мечутся, ошеломясь, неспособное племя к сужденью,

Те, кому быть и не быть, – одно и то же вместе,

Не одно и то же: всему у них путь есть попятный [\[19\]](#)

С его точки зрения, мир непротиворечив и целостен (боги не могли создать противоречивый мир), а критерием правильности (нормальности, «истинности») знаний выступает не рассуждающий человек, а именно этот мир (не тот эмпирический, который

наблюдает человек, а созданный богами; Парменид называет его «сущим», «бытным»; предполагается, что до него еще нужно добраться с помощью правильной мысли)

...ведь ты не приищешь

Мысли без Бытности той, которая в ней изречется.

Ибо нет ничего и не будет на свете иного,

Кроме Бытного, кроме того, что Мойра в оковах

Держит неподвижным и целым. Все остальное – лишь имя,

Все, что смертные в вере своей как истину ставят [\[19\]](#)

Реализация, с нашей ретроспективной колокольни, фактически настоящей программы (поскольку положения Парменида приняли и стали осуществлять его последователи, Сократ, Платон, Аристотель и др.) и привела к изобретению определений, о которых пишет, полемизируя с учением об идеях, Стагирит. Пифагорейцы, Демокрит и Сократ заметили, что противоречия в рассуждениях получаются в том случае, если меняются характеристики (свойства) предметов, о которых идет речь в посылах. Вот, например, другая апория Зенона «Стрела»: «Летающая стрела неподвижна, так как в каждый момент времени она занимает равное себе положение, то есть покоится; поскольку она покоится в каждый момент времени, то она покоится во все моменты времени, то есть не существует момента времени, в котором стрела совершает движение». Здесь в одном случае время понимается, как состоящее неделимых моментов времени (этот вывод, пишет Аристотель, «вытекает из постулата о том, что время состоит из [отдельных] «теперь»: без этого допущения умозаключение невозможно» [\[31\]](#)), а в другом (но в том же самом рассуждении), как непрерывное («ведь время не состоит из неделимых «теперь», равно как и никакая другая величина») [\[3\]](#). Указанные мыслители предложили давать определения предметам, о которых идет речь в рассуждении, и придерживаться этих определений.

Но сравним обычный предмет, его греки называли «вещью», и предмет, заданный определением. Обычное время понимается различно, многозначно: и как движущееся, и как состоящее из отдельных «теперь», и как непрерывное, и как особое пространство, и как событие и т.д., а время, заданное определением, мы вынуждены понимать однозначно, приписывая ему строго определенные характеристики (свойства). Этот предмет, заданный определением, и получает в новое время название идеального объекта. Где существуют идеальные объекты? Явно не в обычном мире. Они существуют в правильном, непротиворечивом мышлении.

Осознавая этот момент, Платон называет их идеями и помещает в особое пространство – на небо, среди богов и блага, где нет противоречий. Находясь отчасти под влиянием пифагорейцев, верящих в возможность обожиться (правда, если познавать, каким образом мир был устроен богами с помощью чисел и чертежей), Платон вышел на эзотерическое мировоззрение. Он считал, что существует два мира (реальности): подлинный, непротиворечивый, где души людей созерцают богов и идеи, и неподлинный, противоречивый, где есть вещи и куда периодически спускаются души, чтобы начать новый цикл жизни. При этом, спустившись на землю и воплотившись в материальные тела людей, души забывают подлинный мир, но спасение и правильная жизнь представляют собой припоминание мира идей и неба, что в свою очередь предполагает «диалектику», включающую, в том числе, непротиворечивые рассуждения.

Аристотель с этим решительно не согласен, поскольку не был эзотериком и был уверен, что хотя земля и небо разделены как реальности, тем не менее, они едины. Поэтому, в частности, закономерности с небес можно переносить на землю и наоборот. Например, в работе «О душе» Стагирит обсуждает, почему человек движется. Потому, утверждает он, что причиной его движений выступает мысль. Но эту же причину Аристотель приписывает Разуму-Богу, движущему планеты. «Существует что-то, что вечно движется безостановочным движением<...> При этом разум, в силу причастности своей к предмету мысли, мыслит самого себя: он становится мыслимым, соприкасаясь со своим предметом и мысля его, так что одно и то же есть разум и то, что мыслится им. <...> И жизнь без сомнения присуща ему: ибо деятельность разума есть жизнь<...> и деятельность его, как она есть сама по себе, есть самая лучшая и вечная жизнь» [\[1, с. 211\]](#)

Кстати, предлагая выстраивать практическое действие в соответствии с природой явления («по природе»), Аристотель наоборот переносит закономерность с небес на землю. Его мысль можно реконструировать следующим образом. Разум движет все – и на небе и на земле и поскольку «одно и то же есть разум и то, что мыслится им», причина движения на земле, хотя и скрыта для обычного человека, все же может быть открыта для философа, познающего причины явлений. Эти причины и задают движения «по природе», которые нужно учитывать, если мастер рассчитывает на эффективность своего действия. Эта объяснительная схема, на мой взгляд, проглядывает в таком рассуждении Аристотеля: «При этом здоровое тело получается в результате следующего ряда мысли у врача: так как здоровье заключается в том-то, то надо, если тело должно быть здорово, чтобы было дано то-то, например, равномерность, а если нужно это, тогда требуется теплота (согревание); и так он размышляет все время, пока не приведет к последнему звену, к тому, что он сам может сделать. Начинающееся с этого момента движение, которое направлено на то, чтобы телу быть здоровым, называется затем уже созданием <...> Там, где процесс идет от начала и формы (то есть причин. – В.Р.), это мышление, а там, где он начинается от последнего звена, к которому приходит мысль, это – создание» [\[1, с. 122\]](#).

Здесь познание и мышление – это по Аристотелю движение в знаниях, а также рассуждение, которое позволяет найти последнее звено (в данном случае тепло), а практическое дело, наоборот, – движение от последнего звена, *опирающееся на знания природы явления, полученные в предшествующем рассуждении*. Это и будет по Аристотелю правильное (эффективное) создание вещи. Одновременно Стагирит показывает, что для познания того, что происходит «по природе», необходимо выйти на сущность и причины явления. Побочное, но очень важное следствие – у аристотелевских вещей появляется сущность, которую, если стремиться действовать эффективно, должен познать философ. При этом и сама сущность приобретает вещь; это новое качество сущности Стагирит и обозначает как «первую сущность». Однако мы забежали вперед, вернемся к формированию в античной философии идеальных объектов.

Идеальные объекты позволяли не только мыслить непротиворечиво, но и познавать мир и явления

Обратим внимание, условия непротиворечивого мышления, которые сформулировал Парменид, одновременно указывали и на новый способ познания. Оно должно быть непротиворечивым и описывать единый мир.

Бытное там или здесь: оно везде нерушимо,

Всюду равно себе, едино в суждении пределе [\[19\]](#)

Но значительно чаще человек рассуждал не о мире, а о конкретных вещах (предметах) и хотел получить истинные знания именно о них. Платон, следуя за пифагорейцами, Демокритом и Сократом, находит решение этой проблемы: построение определений и идеальных объектов, понимаемых, однако, как идеи, утверждает он, – это и есть познание явлений. Оставалось, правда, ответить на еще один вопрос: а как, познавая некоторое явление, выходить на нужные идеи? «Припоминая идеи, которые душа созерцала до рождения», – должен был бы ответить Платон. Но он в «Седьмом письме» отвечает не совсем так: мысля **диалектически** (давая имя, определения, строя изображения, рассуждая, споря с другими), что и образует условия для припоминания идеи («озарения», «просиять», пишет Платон). «Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень – это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое – это имя, второе – определение, третье – изображение, четвертое – знание...Все это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах...Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки – имени определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлых вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека» [\[16, с. 493-494, 496\]](#).

Чтобы понять, почему Платон дает такой ответ, посмотрим, как он в «Пире» получает новые знания о любви. Оказывается, именно давая определения любви, мысля непротиворечиво, споря со слушателями. Рефлексируя способ, каким в «Пире» получались новые знания о любви, Платон пишет, что «так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что это такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе» [\[17, с. 176\]](#). Да, но вопрос остается: каким образом Платон выходил на правильные определения?

Обратим внимание на фразу в «Седьмом письме»: «первое – это имя, второе – определение, третье – изображение, четвертое – знание». Что здесь Платон имеет в виду, говоря об «изображении»? Вряд ли я ошибусь, указав на "схемы". Дело в том, что у Платона определениям всегда предшествуют схемы. «Прежде, – говорит Аристофан, – люди были трех полов, а не двух, как ныне, – мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, – андрогины...Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов...И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними...Наконец, Зевс, насилу кое-что придумав, говорит:...Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас...Итак, каждый из нас – это половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину». А вот определение, завершающее этот рассказ-нарратив: «Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней» [\[18, с. 100\]](#).

Что собой представляет этот нарратив как «схема андрогина», какую роль он выполняет в диалоге именно как схема? С одной стороны, задает основные характеристики любви как идеального объекта, с другой – явно склоняет слушателей к пониманию и принятию данной схемы, поэтому боги, с третьей стороны, как я показываю, этот нарратив выглядит для Платона и его последователей как разрешение «проблемной ситуации»,

сложившейся объективно в этот период [\[20\]](#). Содержание этой проблемы было примерно следующим: становящаяся античная личность стремилась к самостоятельности во всех сферах жизни, в том числе и в любви, но не могла себя реализовать в этой области, поскольку общепринятая социальная модель любви предполагала не самостоятельность, а наоборот, подчинение индивида решениям богов-любви (Афродиты и Эроса). Схема Платона выглядела как разрешение этой проблемы, поскольку выбор возлюбленной (возлюбленного) передавался теперь самой личности. На очереди очередные вопросы: каким образом Платон нащупывает характеристики самой схемы и можно ли было без нее обойтись (ведь вроде бы в работах Аристотеля схем нет)?

Можно заметить, что отдельные характеристики схемы андрогина были обусловлены природой любви (половинки андрогинов тянутся и ищут друг друга) и проблемной ситуацией (нужно было создать условия для возможности самостоятельного выбора в любви). Тем не менее, нельзя скидывать со счетов и творчество самого Платона. Изобретя схему андрогина, он **сообразно своей личности** разрешил проблемную ситуацию, которая касалась в то время многих. Схема андрогина помогла Платону организовать и связать между собой различные смыслы, которые до этого находились, образно говоря, как бы на разных полочках его сознания. В этом отношении можно утверждать, что изобретение схемы подчиняется не только логике **объективности** (влияние проблемной ситуации и сложившихся представлений о самом явлении), но и логике **субъективности** (особенностям понимания и видения автора схемы, его изобретательности, реагированию на высказывания других и пр.; вспомним, как писал Платон: «да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлых вопросов и ответов»).

Проблемная ситуация в античной культуре	Проблемная ситуация Платона →	СХЕМА андрогина →	Любовь как идеальный объект (определение платонической любви) →	Практикование платонической любви последователями Платона
--	--	--------------------------------	--	---

Анализ этого кейса и других, в которых создавались схемы, позволяет высказать предположение, что построить идеальные объекты, минуя схемы, невозможно, поскольку их изобретателями (творцами) выступают люди. Индивид должен сначала сделать объективную (в этом смысле сначала «интерсубъективную») ситуацию своей собственной, индивидуальной, приватной. Затем предложить разрешение ее, построив схему. Именно схема, об этом писал еще Кант, позволяет организовать по-новому разнородные смыслы индивида, учтя и проблемную ситуацию и собственные интенции и ценности. «Схема треугольника, – пишет Кант, – не может существовать нигде, кроме как в мысли, и означает правило синтеза воображения в отношении чистых фигур в пространстве... Схема же чистого рассудочного понятия есть нечто такое, что нельзя привести к какому-либо образу; она представляет собой лишь чистый, выражающий категорию синтез сообразно правилу единства *на основе* понятий вообще, и есть трансцендентальный продукт воображения» [\[12, с. 223-224\]](#).

Можно понять в этом случае и положение Генисаретского о том, идеальный объект обладает свойствами представимости или наглядности. Этими свойствами он обязан

именно схемам, которые невозможно, по Канту, создать без воображения. Но поскольку схемы – это также семиотические построения, обеспечивающие непротиворечивые рассуждения и познание, воображение в ходе построения схем корректируется и ограничивается мышлением (необходимостью выйти на определения и конструкции идеальных объектов).

А как же Аристотель, обходящийся без схем? Ничего подобного, Стагирит создает идеальные объекты тоже на основе схем. Но поскольку он считал, что схемы Платона субъективны (отчасти, это так и есть, но только отчасти), то после того, как схемы сыграли свою роль, Аристотель убирал их из своих работ и рассуждений. Кстати, аристотелевские категории – прекрасный пример схем, причем обобщенных, описывающих целый класс изучаемых явлений и представленных не как схемы, а типы идеальных объектов. «И так же как первые сущности, – пишет Аристотель, – относятся ко всему остальному, так и вид относится к роду: вид есть подлежащее для рода, ведь роды сказываются о видах, виды же не сказываются о родах. Значит, еще и по этой причине вид в большей мере сущность, чем род» [\[2, с. 57\]](#). Здесь отношение вида к роду является обобщенной схемой. Применим ее, например, к отдельному индивиду (скажем, Сократу) и сообществу индивидов (людям). Правильное отношение, когда мы, рассуждая, от людей переносим свойства к Сократу (люди смертны и Сократ смертен, люди двуноги и Сократ, люди имеют кровь и Сократ и т. д.). Неправильное отношение, когда от Сократа характеристики приписываются людям (Сократ лысый и люди тоже, Сократ имеет сварливую жену Ксантиппу и люди тоже).

Идеальные объекты позволяют иначе охарактеризовать факты (эмпирические объекты).

Построив любовь как идеальный объект, Платон смог кардинально переосмыслить распространенное в то время обычное понимание любви. Это понимание он принизил и истолковал как простонародное, вульгарное, с целью приподнять новое понимание, которое, наоборот, возвышается. «Так вот, Эрот Афродиты пошлой поистине пошел и способен на что угодно; это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные. А такие люди любят, во-первых, женщин не меньше, чем юношей; во-вторых, они любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души... Вот почему они способны на что угодно – на хорошее и на дурное в одинаковой степени. Эрот же Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому, – недаром это любовь к юношам, – а во-вторых, старше и чужда преступной дерзости. Поэтому-то одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильнее от природы и наделено большим умом... Такова любовь богини небесной: сама небесная, она очень ценна и для государства и для отдельного человека, поскольку требует от любимого великой заботы о нравственном совершенстве. Все другие виды любви принадлежат другой Афродите – пошлой» [\[18, с. 107, 111\]](#).

Аналогично поступает и Аристотель. Например, выйдя на идею сущности как движения по природе, Стагирит вводит схему «движения к своему месту», что позволяет дать новое понимание эмпирическим случаям (фактам), а именно, падению тяжелых тел и подъему вверх легких. «Под естественным, – пишет М.Гуковский, – понимается движение, происходящее без воздействия какой-либо силы; по классической аристотелевской концепции оно вызвано врожденным всем сущему стремлением к своему месту, той точке, в которой сосредоточена как бы вся сущность стихии, из которой состоит данное тело. Движение, вообще говоря, может происходить по всем направлениям, но движение естественное может происходить только в одном направлении, определяемом, для расположенной в пространстве телесной точки,

линией, соединяющей эту точку с центром мира или, что то же самое, с центром земли» [\[10, с. 19\]](#).

С точки зрения Аристотеля, разъясняют А. Григорьян и В. Зубов, «четыре стихии (земля, вода, воздух, огонь) располагаются во вселенной концентрически, или, что то же, так расположены их «естественные места». Если вышележащая стихия насильственно перемещена в нижележащую, она проявляет стремление вернуться в свое «естественное место», т.е. приобретает «легкость»; вода, находясь в земле, устремляется вверх, точно также как воздух, перемещенный в землю или воду» [\[9, с. 94\]](#).

Понятно, что идея «стремления тел к своим местам», как условие обретения ими сущности, – это не эмпирическое наблюдение, а чистый конструкт (идеальный объект), призванный объяснить разные наблюдаемые явления и согласовать естественное движение с системой аристотелевских категорий. Например, на этом представлении основано объяснение, «почему одни и те же тела опускаются в воздухе и всплывают в воде, например, дерево. Такие тела содержат в своем составе то или иное количество воздуха» [\[9, с. 94\]](#). Или другое объяснение, почему скорость падения прямо пропорциональна весу падающего тела: «если тело стремится вниз вследствие врожденного в самом его веществе стремления соединиться со свойственным ему местом, то естественно, что чем больше в нем этого вещества, с тем большей скоростью оно будет к этому месту стремиться» [\[9, с. 24\]](#).

Итак, идеальные объекты не только позволяют мыслить непротиворечиво и познавать, но и переосмысливать по-новому, соответственно подходу и взглядам мыслителей, эмпирические случаи (факты). Но есть еще одна важная характеристика идеальных объектов, которая становится особенно видной при сравнении исторических изменений философии и науки.

Построение идеальных объектов обусловлено историческим типом философского или научного мышления

Стратегия построения идеальных объектов в знаменитой работе Галилея «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению» существенно отличалась от Аристотелевской. Во-первых, идеальные объекты он задает с использованием математики. «Но если человеческое понимание рассматривать интенсивно и коль скоро под интенсивностью разумеют совершенное понимание некоторых суждений, то я говорю, что человеческий интеллект действительно понимает некоторые из этих суждений совершенно и что в них он обретает ту же степень достоверности, какую имеет сама Природа. К этим суждениям принадлежат только математические науки, а именно геометрия и арифметика, в которых божественный интеллект действительно знает бесконечное число суждений, поскольку он знает все» [\[8, с. 61\]](#).

Во-вторых, познается в данном случае природа, объекты и процессы которой подчиняются математическим отношениям и вечным законам. В-третьих, аристотелевские методы индукции и построения идеальных объектов отходят на второй план, а на первый выдвигаются методы математического описания природных процессов, позволяющие выделить в последних «идеальные процессы», соответствующие математическим моделям (в данном случае процесс падение тел в пустоте) и факторы, искажающие идеальные процессы (незначительная выталкивающая сила по Архимеду и существенная – сопротивление среды). Устами героя диалога Сальва Галилей говорит: «... причина

различной скорости падения тел различного веса не заключается в самом их весе, а обуславливается внешними причинами – главным образом сопротивлением среды, так что если бы устранить последнее, то все тела падали бы с одинаковой скоростью» [8, с. 160]. Здесь «тела, падающие с одинаковой скоростью» – идеализированный случай падения, «сопротивление среды» – фактор, искажающий идеализированное падение тела.

В-третьих, создавая эксперимент, Галилей приводит реальный объект (падение тел в воздухе) в соответствие с идеальным объектом, т.е. он уверен, что сам может творить объекты природы, с чем никогда бы не согласился Аристотель или Архимед. Как чуть раньше писал Ф. Бэкон: «Что касается содержания, то мы составляем Историю не только свободной и предоставленной себе природы (когда она самопроизвольно течет и совершает свое дело), какова история небесных тел, метеоритов, земли и моря, минералов, растений, животных; но, в гораздо большей степени, природы связанной и стесненной, когда искусство и служение человека выводит ее из обычного состояния, воздействует на нее и оформляет ее... *природа Вещей сказывается более в стесненности посредством искусства, чем в собственной свободе*» [4, с. 95, 96]. (курсив наш. – В.Р.) В данном случае искусство – это деятельность человека, в том числе, техническая.

Ясно, что мыслительное и категориальное пространство, в котором Галилей строит идеальные объекты, другое, чем у Платона или Аристотеля [22]. И действительно к этому времени все большее влияние приобрела концепция Роджера Бэкона, сформулированная еще в 13 веке, в соответствие с которой природа создана Богом на основе математики (но еще раньше в «Тимее» и других диалогах Платон формулировал похожие идеи). А математический анализ Галилей мог выстроить, опираясь на работы Архимеда, которым он всегда восхищался. Убеждение же, что и человек может творить «вторые природы», подражая первой природе, – почти общее место мыслителей Возрождения (если человек «второй Бог», по утверждению Николая Кузанского, то почему он не может творить?).

В рамках подобного мыслительного пространства действует и другая логика построения идеальных объектов при сохранении трех других условий (идеальные объекты создаются таким образом, чтобы можно было мыслить непротиворечиво, познавать и осмыслять факты).

Рассмотренные здесь на конкретных кейсах четыре функции идеальных объектов удастся опознать и в случае других кейсов, в том числе и кейсов искусства. Вот, например, прекрасное четверостишие Марины Цветаевой:

Словно теплая слеза –

Капля капнула в глаза.

Там, в небесной вышине,

Кто-то плачет обо мне.

В нем образ дождя-плача (того, кто плачет, и о ком плачут) – явная метафора, в которой можно различить два идеальных объекта: один получается, когда художник мыслит и строит события в отдельных реальностях (в данном случае или в земной, или в небесной), другой – когда он совмещает движения в этих реальностях (например, соединяет характеристики обычного человека и духа хранителя, горющего о герое). В

первом случае можно говорить о художественном анализе, во втором – художественном синтезе [21, с. 63].

Заключение

Я рассмотрел только ряд кейсов, позволяющих построить удовлетворительное современное учение об идеальных объектах. Последующий анализ может внести существенные коррективы в понимание природы и особенностей этого понятия. Тем не менее, уже сейчас видно, что построение идеальных объектов является важным звеном философского, научного, и предполагаю, других видов мышления. Более того, если ставится задача проследить развитие философии или науки, то представления об идеальных объектах выдвигаются в центр исследования. Не проблемы теории с их подтверждением или опровержением, не формирование новой парадигмы, а именно анализ проблемных ситуаций, схем и идеальных объектов. Пожалуй, ближе всего к этому подходу концепция "исследовательских программ" И. Лакатоса. Здесь стоит обратить внимание и на то, что схемы могут использоваться по-разному. В сфере познания для построения идеальных объектов, в искусстве для построения метафор и других троп, в инженерии и технологии для конструирования технических изделий, в транспортных системах (например, в метро) для организации транспортных потоков или ориентации отдельного пассажира. Если же речь идет об исследовании идеальных объектов, то, как мы старались показать, они выполняют три основные функции: позволяют мыслить непротиворечиво, осуществлять познание, по-новому интерпретировать (понимать) факты, кроме того, идеальные объекты существенно обусловлены историческим типом философского и научного мышления. Лучше всего проанализированы некоторые типы идеальных объектов в науке и философии, но только некоторые. На очереди исследование других типов, а также в других практиках (искусстве, инженерии, технологии и др. видах).

Библиография

1. Аристотель. Метафизика. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. 348 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. Категории (2а). С. 61-91.
3. Аристотель. Физика. Москва: Изд. Юрайт, 2022. 228 с.
4. Бэкон Ф. Новый органон. М.: Соцэкгиз, 1935. 384 с.
5. Введение в философию Аристотеля (лекция: "«Метафизика». Учение о категориях. Понятие «сущности»"). <https://magisteria.ru/aristotle-intro/ontologiya-aristotelya-kategorii>
6. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. Формирование научных программ нового времени. М.: Наука, 1987. 447 с.
7. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
8. Галилей. Г. Диалог о двух главнейших системах мира – птоломеевой и коперниковой. М.: ОГИЗ - СССР, 1948. 380 с.
9. Григорьян А.Т., Зубов В.П. Очерки развития основных понятий механики / А. Т. Григорьян, В. П. Зубов ; Акад. наук СССР. Ин-т истории естествознания и техники. - Москва: изд-во Акад. наук СССР, 1962. - 274 с.
10. Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М.,-Л.: изд. АН СССР, 1947.
11. Идеальный объект по О.И. Генисаретскому <https://gignomai.livejournal.com/1026219.html>

12. Кант. Критика чистого разума. Соч. в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 798 с.
13. Лекторский В.А. Познание, действие, реальность // Вопросы философии. 2017. №9. С. 5-23.
14. Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании. М.: ИФРАН, 2008. С. 5-30.
15. Огурцов А.П. Философия науки в 20 веке: успехи и поражения (статья первая) // Философия науки. Вып. 6. М.: ИФРАН, 2000. С. 188-215.
16. Платон. Седьмое письмо // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 475-504.
17. Платон. Федр. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 135-192.
18. Платон. Пир. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. С. 81-135.
19. Подстрочник из <http://ancientrome.ru/antlittr/parmenid/parmen.htm> в издании: «Эллинские поэты VIII—III вв. до н.э.», М., 1999.
20. Розин В.М. «Пир» Платона: новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. М.: ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
21. Розин В. М. Опыт анализа поэтического творчества, художественного мышления и переживания (концепты, схемы, метафоры) // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 4. С. 49–65.
22. Розин В.М. Мышление: сущность и развитие. М.: URSS, 2015. 368 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена понятию идеального объекта. Если ориентироваться на её название, она должна была бы быть, скорее, обобщающей по своему характеру, между тем, автор почти не использует публикации отечественных учёных по указанной тематике, претендуя на новое освещение вопроса. Впрочем, подобного рода публикации также имеют право на существование; философия, среди прочего, необычна и тем, что новый взгляд, не ставящий целью опереться на уже накопленную «эрудицию», иногда, действительно, замечает нечто такое, мимо чего проходили исследователи прежде. Эта реплика в полной мере относится и к рецензируемой статье, она читается очень легко, и, думается, никто из читателей, вне зависимости от уровня знакомства с проблемой, не пожалеет о времени, потраченном на знакомство с текстом. Тем не менее, до публикации следует устранить ряд существенных недостатков и погрешностей. Уже в первом абзаце читаем: «понятие, «идеальный объект»...» (зачем запятая?). А далее: «понятие объект...» (почему отсутствуют кавычки?). В тексте много и стилистических погрешностей («учение своего учителя» и т.п.). Встречаются простые опечатки, например, Протагор дважды превращается в «Протогора» (в абзаце, начинающемся словами: «реакцией на парадоксы...»). Местами весьма неудачным представляется избираемый автором способ цитирования. Например, весь второй абзац и почти весь третий абзац занимает излишне обширная цитата. Нужно ли было приводить столь большой отрывок? Содержит ли он нечто настолько оригинальное, что форму этого фрагмента следовало сохранять в составе новой статьи? Думается, нет. Во всяком случае, автор вполне мог бы процитировать лишь те части рассуждения, которые, по его мнению, содержат подобное «непередаваемое» иным способом содержание. А зачем приводится почти столь же обширная цитата из «Метафизики»? К тому же, речь идёт в

данном случае о фрагменте не просто известном, но многократно проанализированном не только в историко-философской литературе, но и в популярных публикациях. По-видимому, в работах обобщающего характера можно было бы апеллировать не столько к источникам, сколько к исследователям, которые профессионально занимались их прояснением и истолкованием, тем более, что отечественная историко-философская наука богата «античными», комментировавшими сочинения Платона, Аристотеля и других мыслителей. Список литературы в этой связи также должен быть расширен. Весьма кстати в подобной статье было бы и содержательное заключение, однако, оно фактически отсутствует. И всё же, повторим, статья легко читается и может быть интересна самому широкому кругу любителей философии. После устранения отмеченных недостатков статья может быть опубликована в научном журнале, но в сегодняшнем виде публикация материала представляется преждевременной. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Идеальные объекты в философии и науке: генезис и понятие

Статья «Идеальные объекты в философии и науке: генезис и понятие», представленная автором в журнал «Философия и культура», претендует на анализ достаточно серьезной философской проблемы, которая затрагивает огромный спектр вопросов мировоззренческого и общенаучного плана. Различные подходы к понятию идеального возникали на протяжении всей истории философии, поскольку взаимодействие и противостояние категорий «идеальное» и «материальное» определяет позицию и специфику дискутирования по основным онтологическим и гносеологическим философским вопросам. Анализ и любая попытка дать определение настолько важным, ключевым в процессе теоретизирования понятиям (иногда концептам) всегда осложняются тем, что требуют общенаучной эрудированности (взгляд на историю философии с определенных позиций) и последовательно реализуемую методологию.

Статья разделена на введение и основную часть. Однако во введении нет четкого определения цели, предмета и задач исследования.

Можно предположить, что в центре внимания статьи, находится проблема, связанная с неоднозначностью понимания и интерпретации идеального объекта, его природы и основных характеристик. Автор задается вопросом: «Зачем идеальные объекты создаются и как затем используются в философском или научном дискурсе (мышлении)»? На мой взгляд, более принципиальным является вопрос: почему они вообще создаются, кем создаются и создаются ли вообще? Однако «генезис и понятие» заявленные автором в названии статьи этого не исчерпывают.

Название не соответствует содержанию статьи, поскольку заявлен анализ идеального объекта в философии и науке, что уже претендует на серьезное и объемное исследование. Возможно, автор представил тему слишком широко в рамках одной статьи.

Актуальность темы в статье обоснована недостаточно, нет четкой постановки вопроса относительно предмета исследования. Автор просто ставит перед фактом, что данное понятие является для философии важным. Нет обращения и к современным исследованиям, отсутствует анализ работ, посвященных данной тематике в настоящее

время.

Основная часть содержит отсылки к некоторым высказываниям Аристотеля и Платона (именно в такой последовательности). Представленный материал, включает в себя очень краткое изложение некоторых взглядов и других философов, которые отобраны не понятно по какому принципу.

Методология исследования так же четко не прописывается автором в статье, поэтому трудно сказать, насколько суждения и логика автора данной работы подчинена тому или иному методу. Возможно, работа была бы быть интереснее, если бы в ней присутствовал сравнительный анализ мировоззренческих позиций, концепций, идей.

Возможно, в данной работе автору стоило обратить внимание на конкретный аспект в исследовании идеального объекта? Например, рассмотреть социальный аспект проблемы идеального? Или обратиться к классификации различных подходов в истории философии к решению проблемы идеального? В таком случае и методология исследования была очевидна.

Выводы в статье изложены очень кратко и бессодержательно. Соответственно в заключении нет обобщения и не показано, что нового автор обнаружил в этой теме в ходе проведенного исследования.

Замечания, на которые хотелось бы обратить внимание автора:

1. Текст необходимо не только переработать, но и вычитать. Насколько уместно в научном тексте использовать местоимения, которые периодически еще и меняются (автор называет себя то Я, то Мы).

2. Присутствует несогласованность в тексте. Приведу только часть, иначе половину статьи надо будет цитировать. Например: «Мне эти положения очень близки, но все же опять хотелось бы понять, для чего вводятся идеальные объекты и как они устроены, например, почему наглядность, не противоречит ли наглядности идеализация... »

«Идеальные объекты стали создаваться в период становления античной философии и мышления».

«Ретроспективно можно утверждать, что это самое первое обсуждение ситуации идеализации и связанной с ней построения идеальных объектов».

«Думаю, все же можем». Так начинается абзац статьи и отсутствует продолжения мысли.

«Реакцией на парадоксы были два социальные движения».

Реализация, с нашей ретроспективной колокольни, фактически настоящей программы (поскольку положения Парменида приняли и стали осуществлять его последователи, Сократ, Платон, Аристотель и др.) и привела к изобретению определений, о которых пишет, полемизируя с учением об идеях, Стагирит.

3. Ссылка на О.И. Генисаретского представлена почти на страницу. Закономерно возникает вопрос о том, насколько это оправдано в данной статье? Автор утверждает, что согласен с высказываниями ученого, но тогда и позиция самого автора должна быть раскрыта?

4. Нет единообразия в оформлении списка литературы. Присутствуют ссылки вообще не совсем уместные или неправильно оформленные (есть требования для интернет ресурсов). Например:

Введение в философию Аристотеля (лекция: "«Метафизика». Учение о категориях. Понятие «сущности»"). <https://magisteria.ru/aristotle-intro/ontologiya-aristotelya-kategorii>

Идеальный объект по О.И. Генисаретскому <https://gignomai.livejournal.com/1026219.html>

Характер и стиль изложения материала очень слабо соответствуют основным требованиям, предъявляемым к научным работам такого рода.

Работа, на мой взгляд, нуждается в существенной доработке и в таком виде не может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает концептуализация идеальных объектов в философии и науке. Несмотря на достаточно долгую историю данного понятия, его разработка сегодня сохраняет свою высокую актуальность по причине его эвристической ценности. К сожалению, автор не дал себе труда должным образом отразить собственную методологию, но из контекста можно понять, что в процессе исследования использовались исторический метод, а также методы философского анализа и рассуждения; чётко прослеживается в рецензируемой статье и влияние методологической школы Г.П. Щедровицкого. Вполне корректное применение указанных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт об актуализации и философской реконцептуализации понятия «идеальный объект». Не менее интересен с научной точки зрения проанализированный философский и научный контексты концептуализации данного понятия, а также выявленная специфика его природы и выполняемых функций. В структурном плане работа также не вызывает существенных нареканий: её логика достаточно последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, аргументируется её актуальность и формулируется цель исследования; - «Основная часть» (зачем было выделять раздел со столь банальным названием, осталось загадкой), подразделяющаяся на несколько частей – «Идеальные объекты стали создаваться в период становления античной философии и мышления», где раскрываются историко-философский контекст возникновения понятия «идеальный объект» в Античности, «Идеальные объекты позволяли не только мыслить непротиворечиво, но и познавать мир и явления», где описываются эвристические функции исследуемого понятия, «Идеальные объекты позволяют иначе охарактеризовать факты (эмпирические объекты)», где раскрывается специфика взаимодействия понятия «идеальный объект» с эмпирической реальностью, «Построение идеальных объектов обусловлено историческим типом философского или научного мышления», где показана зависимость концептуализации понятия «идеальный объект» от историко-философских и научных контекстов; - «Заключение», где резюмируются результаты проведённого исследования, делаются выводы, а также намечаются перспективы дальнейших исследований. С точки зрения стиля рецензируемую статью можно квалифицировать как философское исследование, выполненное в определённой философской традиции, что отражается на стиле работы и используемой терминологии. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, неудачные стилистические конструкции, затуманивающие смысл предложения: «...Хотелось бы понять, для чего вводятся идеальные объекты и как они устроены, например, почему наглядность, не противоречит ли наглядности идеализация...»; или использование избыточных слов и выражений, например: «Идеальные объекты стали создаваться [создавались? – примеч. рец.] в период...»; или двусмысленности, например: «Аристотель, критикуя учение своего учителя об идеях, обратил внимание на определения» – о каких именно «определениях» идёт речь?; некоторые выражения сниженной лексики также не добавляют научности стилю статьи, например: «с нашей ретроспективной колокольни»; не умеет автор пользоваться и многоуровневыми кавычками, везде (в том числе и внутри цитируемого текста) используя кавычки-ёлочки, что существенно усложняет восприятие текста, например: «Аристотель использует... оно звучит так: «т□δε τι» («тóде ти»)...»; и др.) и

грамматических (например, пропущенная запятая между двумя однородными предложениями в составе сложного: «Мне эти положения очень близки, но все же опять хотелось бы понять, для чего вводятся идеальные объекты и как они устроены...»; другой аналогичный пример: «...Что "сон похож на смерть" и как "хорошо, когда мы выпались..."»; вообще, с запятыми у автора есть некоторые проблемы, например, здесь он тоже ставит запятую не в том месте, где она требуется: «...Появление нового типа человека, («становящейся античной личности») переходящего к самостоятельному поведению»; или отсутствие тире при цитировании, например: «"Сократ, пишет он в 'Метафизике' "занимался..."»; или несогласованные предложения, например: «...Это самое первое обсуждение ситуации идеализации и связанной с ней построения идеальных объектов»; или пропущенный дефис в слове «во-вторых»: «...во вторых, изобретение рассуждений...; и др.) ошибок, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной и философской терминологии. Библиография насчитывает 22 наименования и в должной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть существенно усилена за счёт использования источников на иностранных языках. Апелляция к оппонентам проходит красной нитью через весь текст в силу философско-концептуального типа статьи.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научно-философского исследования, соответствующего основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Несмотря на некоторые погрешности в оформлении текста, полученные автором результаты будут интересны для философов, историков философии, культурологов, специалистов в области теории познания и эпистемологии, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Философия и культура». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.